

КириллКобринКириллКобринКи-
риллКобринКириллКобринКирилл

ТЕКСТО ОБРАБОТКА

An abstract drawing on aged, textured paper. It features a central, dark, irregular shape that resembles a stylized letter 'A' or a similar form. This shape is surrounded by dense, swirling lines in red, blue, and black. The background is filled with lighter, more delicate swirls in blue and red. The overall style is expressive and gestural, characteristic of a drawing done with markers or thick pencils.

(исполнено
Брайеном
О'Ноланом,
А.А.
и
К.К.)

Кирилл Рафаилович Кобрин

Текстообработка

(Исполнено Брайеном О'Ноланом, А.А. и К.К.)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964728

*Кобрин К. Текстообработка. (Исполнено Брайеном О'Ноланом, А.А.
и К.К.): Водолей; Москва; 2011
ISBN 978-5-917630-84-7*

Аннотация

Все, что есть в этой книге – тексты. Она состоит из них точно так же, как деревянная стружка состоит из дерева. А металлическая – из металла. Но эта книга не о том, ЧТО получилось, а о том КАК. Не о цели, а о процессе, об обработке текстов, о текстообработке. Так она и называется. На изготовление ее ушли сочинения двух литераторов, одного переводчика, одного художника и одного издателя. Никто из них не виноват в том, что получилось.

Содержание

Предупреждение (вместо инструкции по эксплуатации)	6
Часть 1	12
Флэнн О'Брайен	12
Комментарии	15
i	15
ii	16
iii	19
iv	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кирилл Кобрин

Текстообработка

(исполнено Брайеном О'Ноланом, А.А. и К.К.)

Агентство *A.M. Heath* от имени *Estate of Flann O'Brien* великодушно разрешило опубликовать в этой книге отрывки из сочинений Флэнна О'Брайена, а художник *Виктор Пивоваров* — использовать свои рисунки для ее оформления.

Спасибо им!

© *К. Кобрин, 2011*

© *Flann O'Brien, 1966*

© *Flann O'Brien, 1967*

© *А.Асланян (перевод), 2011*

© *Издательство «Водолей», оформление, 2011*

Предупреждение (вместо инструкции по эксплуатации)

*Из-за двери слышались равномерные звуки станка.
«Война и мир»*

Скука, чудовищная скука при чтении современной беллетристики стала причиной нижеследующего литературного предприятия. В то время как в изящных искусствах, а также музыке, драматическом и комическом жанрах, не говоря уже о синематографе и всевозможных областях, основанных на бинарной цифровой системе (как-то: видеоарт, компьютерные затеи и проч.), короче говоря – в то время, когда везде мы видим буйные побеги новой жизни, бурление идей и мелькание свежих образов с совершенно невозможной в старые времена скоростью, здесь, в прозе, все замерло. Уснуло, свернувшись в уютный клубочек, который читателю столь приятно гладить, отдавая за это дело свои кровные. Вообразите себе современного композитора, сочиняющего под Чайковского. Или современного художника, мнящего себя новым Ма(о)не. Место таковым в поселковой филармонии, на бойкой распродаже живописи в точках скопления туристов («миленький пейзажик, не правда ли, любимый?» «ах, да, дорогая!» «давай его купим и повесим на стенку в нашем

гнездышке!»). В общем, время ушло. В ходу другое, чудовищное, механическое, немилое, грубое, сентиментальное, какое угодно – сложное, например.

А в прозе все по-прежнему. Любовь, морковь, диалоги, сюжетные ходы, поистаскавшиеся, как сорокалетние группиз при героях хэви-металла. Даже, не побоюсь этого слова, описания природы. Или наоборот – смелые срывания покровов с так называемой «жизни»: правда-матка, свиноматка, шоколадка, аристократка скинула манатки. Кристально ясное зеркало, приставленное к нечистому копошению вещественности. Плоская радость узнавания: ого-го! да этот тип – вылитый Серега из соседнего двора! Ты помнишь, как мы с ним портвейн глушили под сырок, советский плавленный сырок, им заедал я портвешок. Тем отличается от Запада Восток. И вместе им не сойтись. В общем, в области человеческой деятельности, называемой «художественная литература», «проза», «беллетристика», все то же самое: романы под толстоевского или воингуэя (сэлиндгута тож), рассказы под чехочивера. В ходу маркес одиночества и по ком звонит трифонов. Апдейт апдайка и опера «Набокко». Скучно, господа. Стыдно и скучно.

Несмотря на революционную деятельность в минувшем столетии группы психопатов, параноиков и тяжелых мизантропов (упомяну лишь самых известных: г.г. К., П., Д., Б., Х., В., Б., Р.-Г., были также замечательные дамы В.В., Г.С., Н.С.), в прозе все осталось по-прежнему: жуликоватые про-

стодушные сочинители ея убеждены, что «литература» является отражением «жизни», что из той же самой «жизни» они черпают свои жалкие «сюжеты», что пухлые их творения кого-то учат, преподают урок простакам и укрепляют (или расшатывают, что то же самое) общественную мораль. За это писателей любят, показывают (ненадолго) в телевизоре, творения продают в магазинах, обсуждают на Амазоне и дают за все это деньги. Wow!

Фигня это все, дорогие друзья. Полная и безоговорочная фигня. Романчики эти скверно пошиты из предыдущих романчиков. А предыдущие – из пред-предыдущих. Чем больше «пред-», тем хуже скроены, небрежнее пошиты, безвкуснее украшены. Чтобы произвести на свет божий достойное одеяние, надо иметь мужество признаться, что сделано оно не из облаков или платоновских архетипов, а из материи. Ткани. Пуговиц. Ниток. И чтобы пошить прекрасный костюм, надо обладать отличным воображением художника, тонким вкусом дизайнера и превосходным мастерством портного. Вот и писатель – тот, кто возится с текстами, а не с жизнью.

В этом смысле литератор должен понимать, что занят обработкой текстов – чужих и своих. Что сочинения он вытачивает, как говаривал князь Вяземский, «на ферстаке», в фартуке, как какой-нибудь масон, Фридрих II или Болконский-старший, усыпанный словесной стружкой, со стилем-рубанком в натруженных руках. Что не отражает он

жизнь, как праздное зеркало на стене, а – уж простите за повторы – обрабатывает тексты. Текстобработчик он, наш честный литератор.

Авторы, принявшие участие в нижеследующей затее, по роду своих занятий – или по складу ума и течению жизни – отлично усвоили эту истину. Первый из них, ирландский писатель Брайен О’Нолан (он же Флэнн О’Брайен, он же Майлз на Гапалинь), всю жизнь занимался, собственно, текстобработкой. Будучи двуязычным, он превращал ирландскую традицию в английские книги («О водоплавающих», «Третий полицейский», «Трудная жизнь», «Архив Далки», сочиненные Флэнном О’Брайеном), английскую свифтовскую традицию – в ирландские книги («Поющие Лазаря» и ирландские фельетоны в “The Irish Times”, написанные Майлзом на Гапалинь), в конце концов, он текстобработал собственный роман «Третий полицейский» в «Архив Далки», не говоря уже о газетных колонках, которые он – предвосхищая гениальный брежневизм «Экономика должна быть экономной» – слегка переделывал для того, чтобы напечатать в других изданиях. В помятом пиджаке, весь в лексических опилках, серо-синий от пьянства (мастеровые ведь изрядные пьяницы, не так ли?), он сошел в могилу в середине шестидесятых – и примерно в это же время появился на свет один из двух других наших текстобработчиков, а именно тот, кто пишет сейчас эти строки. Но речь сейчас не о нем.

Второй (вторая) текстобработчик – А.А. – переводчик;

именно ей принадлежит переложение второй главы «Третьего полицейского» Флэнна О’Брайена и эссе Майлза на Гапалинь “Buchhandlung” на русский. О нет, они не почтовые лошади просвещения, они ремесленники – и ремесленники высшей пробы. Текстобработчики Божьей Милостью – вот кто такие переводчики! Они пилят, строгают, вбивают гвозди, покрывают лаком, они трудятся не покладая рук, выдавая потребителю товар, то штучный, то поточный, то московшей, то индпошив – но вещи, от которых невозможно отмахнуться! Они, переводчики, произвели на русский свет те книги, что окружают нас от детства до гробовой доски, от «Маугли» до романов Агаты Кристи и пособий по правильному питанию в старости. Воспоем же им осанну и перейдем к моей скромной особе.

Я, К.К. – литератор. То есть, не то чтобы вот «писатель» и уж тем более – «романист», прости Господи. Нет. Просто литератор, да и то не шибко настоящий, ибо писанию явно предпочитаю чтение. Вот в последнем обстоятельстве и таится разгадка нижеследующей затеи. Читать гораздо интереснее, чем писать; сочинительство вообще занятие утомительное и даже постыдное – так почему бы не заменить письмо чтением? И что такое чтение, как не обработка читаемого текста? Исходя из этой неопровержимой истины, Ваш Покорный Слуга и принялся за дело. В результате получилось некоторое количество слов. Как увидит Просвещенный Читатель, это количество делится на три части; каждая из них

состоит из текста Брайена О'Нолана (под каким бы псевдонимом он ни скрывался), обработанного русской клавиатурой А.А., и текста К.К., который превращает переведенного на русский ирландца в гражданина мира, пишущего на языке Вяземского и Гаспарова. Каждая из глав демонстрирует различные технологические походы к текстообработке; если эстетическая ценность всего начинания может быть поставлена под вопрос, то методологическая – бесспорна. Пройдет несколько лет, я уверен, и каждая из нижеследующих глав будет подвергаться специалистами тщательнейшему разбору – и, конечно же, дальнейшей обработке.

Впрочем, хватит болтать. Истинные мастера немногословны. Засучим рукава – и за работу!

КК

05.08.2010

Часть 1

Способ текстообработки – комментирование

Флэнн О'Брайен «Третий полицейский»¹ Глава 2 (начало)

Де Селби мастер порассуждать на тему о домах.² Череда домов представляется ему чередой неизбежных зол. Измельчание и деградацию рода человеческого де Селби приписывает растущему пристрастию оного к интерьерам и угасающему интересу к искусству выходить на свет Божий с тем, чтобы там и остаться. Последнее, в свою очередь, видится ему следствием развития таких сфер деятельности, как чтение, игра в шахматы, пьянство, matrimonia и им подобных, большинством из каковых невозможно пол-

¹ Flann O'Brien, *The Third Policeman*, Flamingo 1993. Все переводы отрывков из трудов Флэнна О'Брайена сделаны Анной Асланян специально для этого издания.

² «Золотое время», ii, 261.

ноценно заниматься на природе. В другом сочинении³ у него встречаются следующие определения дома: «большой гроб», «лабиринт» и «ящик». Как несложно заметить, возражения его относились главным образом к замкнутому пространству, ограниченному крышей и четырьмя стенами. Он приписывал не всегда целиком оправданные терапевтические качества – в основном легочного характера – определенным постройкам собственной конструкции, которые называл «обиталищами»; наброски их чертежей сохранились на страницах «Сельского альбома». Постройки эти были двух видов: «дома» без крыши и «дома», лишенные стен. У первых имелись двери с окнами – широкие, распахнутые, – а сверху, для защиты от непогоды – чрезвычайно несуразная конструкция из брезента, свободно намотанного на балки. Все это вместе походило на затонувший парусник, возведенный на каменной кладке, а также – на место, где никому не пришло бы в голову держать и скотину. В другого рода «обиталищах» имелась традиционная шиферная крыша, зато отсутствовали стены, не считая одной, возводит какую-то полагалось с наиболее ветренной стороны; по остальным же располагались непременно брезентовые полотнища, свободно намотанные на валики, свисающие с водостоков на крыше; всю конструкцию окружали миниатюрный ров или яма, несколько напоминающие армейский нужник. В свете современных теорий жилья и гигиены несомненно то,

³ «Сельский альбом», 1034

что по части этих идей де Селби глубоко заблуждался. Тем не менее, в его времена, ныне столь отдаленные, в жилищах этих, опрометчиво последовав его совету в погоне за здоровьем, нашел свой конец не один больной⁴.

⁴ *Ле Фурньер, надежный источник французских комментариев (см. "De Selby – l'Enigme de l'Occident"), выдвинул относительно этих «обиталищ» любопытную теорию. Он высказывает предположение о том, что, работая над «Альбомом», де Селби прервался на каком-то трудном пассаже. Обдумывая его, он рассеянно предавался занятию, известному под названием «рисование каракулей», а после отложил свою рукопись в сторону. Взявшись за нее в следующий раз, он увидел перед собой скопление диаграмм и чертежей, каковые принял за планы особого рода жилища – того, что всегда представлялось ему в мыслях, – и тут же написал множество страниц с пояснениями к этим рисункам. «Никоим иным образом, – добавляет суровый Ле Фурньер, – столь прискорбный ляпсус объяснить невозможно».*

Комментарии

i

«*ДЕ СЕЛБИ*». Просто удивительно, сколько Selby находится прямо сейчас в нашем мире. В Сарасоте, штат Флорида, пышным цветом цветут (см. перевод латинского названия этого штата) Ботанические сады Мэри Селби. Некая Джоанна Белл сочиняет умопомрачительные романы под псевдонимом, взятым из названия этих роскошных садов; среди сочинений Мэри Селби – «Крыло и молитва», вышедшее в британском издательстве "C-books". Книгу, изданную в 1996 году, еще можно купить у букинистов за смехотворную цену в 61 пенс. Торопитесь!

Там, где цветет литература, неизбежно льется вино. В Калифорнии есть винодельня Selby Winery, названная в честь основательницы, Сюзи Селби. Сама Сюзи утверждает, что к нектару богов ее прирастил отец: «От отца мне стало известно, что вино есть комбинация искусства, науки и природы». Прекрасно сказано, не правда ли? Де Селби был бы в восторге от этой фразы; впрочем, он поставил бы заглавные буквы: Искусства, Науки и Природы. Вот так, в стиле незабвенного XVIII века, чьим прямым потомком в натурфилософии был наш дерзкий и методичный мыслитель. Но вер-

немся к виноделию. В Selby Winery можно прикупить вполне приличный «Совиньон Блан», а розовый «Сира» напоминает знатокам провансальский «Бандоль». Весьма недурно, дорогой читатель, не правда ли? Наконец, в Портленде производят «Обувь Селби» (на наш непросвещенный взгляд, довольно уродливую), а в фильме «Монстр», где блистает неподражаемая Шарлиз Терон, столь же неотразимая Кристина Риччи играет ее любовницу по имени Селби Уолл. Но все это разнообразные «Селби» без благородной дворянской частички «де»: садовники, литераторы, виноделы, сапожники и лесбиянки. «Де Селби» – один, не считая, конечно, жалкой копии, сработанной неким Робертом Энтоном Уилсоном, в романе которого великий философ (о ужас!) даже вступает в связь сексуального характера с бывшей любовницей Гертруды Стайн. Впрочем, чего ждать от человека, которого общество «Дискордианцев» провозгласило разом Епископом, Папой и Святым дискордианизма... Естественный шаг для людей, которые считают «порядок» и «хаос» иллюзиями одного уровня. Можно себе представить, что сказал бы на это сам де Селби!

ii

«ДОМА». Нам ничего не известно о национальности нашего философа, однако будет не слишком смелым шагом предположить, что он – истинный сын ирландского народа.

Как станет ясно из дальнейшего изложения, де Селби, мягко говоря, недолюбливал такой феномен материальной культуры, как «дом». В этом можно услышать отголосок неистового руссоистского призыва, обнаружить влияние русского графа-землепашца и даже – провозвестие будущих грязноволосых хиппи 1960-х и орюкзаченных номадов 2000-х в широких штанах защитного цвета, снабженных многообразными вместительными карманами. Все это так (хотя бы отчасти), и все это ждет будущего исследователя – не чета тем графоманам, о которых рассказывает автор «Третьего полицейского». Между прочим, Александр Моисеевич Пятигорский, прочитав эту книгу за несколько месяцев до смерти, назвал ее «одним из немногих истинно философских романов XX века». Однако не оставим в стороне и серьезный историко-антропологический анализ взглядов де Селби.

Введем в наше рассуждение гипотезу: де Селби был ирландец. Тогда его «антидомовый пафос» становится вполне понятен. Ирландцы до появления на острове хищных, жадных и жестоких англо-нормандцев городов не строили, постоянных жилищ тоже старались не заводить. У них были духовные центры, позже – монастыри, но все они представляли собой скопище низеньких хижин, амбаров – или лабиринты пещер в труднодоступных местах. Идея постоянной жизни под крышей и внутри четырехугольника (многоугольника, овала, круга) стен представлялась древним ирландцам не только вздорной, но и опасной. Чтобы не быть голословны-

ми, позволим себе процитировать отрывок из древнего ирландского прозаического эпоса. История называется «Опьянение уладов», повествует она о борьбе этих самых уладов с племенем коннахтов, а также о том, что происходило между самими уладами, среди которых, кстати говоря, жил тот самый герой Кухулин, чьим фирменным боевым приемом был «бросок лосося из-под воды». Что значит этот лосось и как он бросался из-под воды, сказать сейчас не может никто, но в древние времена Кухулин, оснащенный таким гаджетом, был непобедим.

Однако мы позабыли о домах! Отрывок из «Опьянения уладов» звучит так: «И вот расположились улады для отдыха в том доме. Пришли к ним слуги и разожгли в доме огонь. Принесли им много еды и пива. Но по мере того, как приближалась ночь, слуги и виночерпии потихоньку по одному выходили из того дома, а последний из них незаметно вышел прочь, заперев за собой дверь. И тогда дом опутали семью железными цепями, а дверь приперли семью каменными столбами, что ранее лежали вокруг на зеленом лугу. Трижды по пятьдесят кузнецов собрались со своими мехами, чтобы раздувать огонь вокруг дома. Три круга заграждений сделали вокруг дома, и огонь стал разгораться со всех сторон, так что непереносим стал жар снаружи и внутри дома». Итак, дом – ловушка, куда заманили отважных уладов, напоили их пивом, чтобы потом зажарить на предательском огне. Счастье, что с уладами был Кухулин, он-то быст-

ро справился с преградами и все закончилось к вящему удовольствию хороших парней. Но философ демократической эпохи, когда уже нет героев, подобных метателю лосося изпод воды, должен задаться вполне резонным вопросом: «Если доблестные улады, предводительствуемые самим Кухулином, еле вырвались из ловушки под названием "дом", то обычный добрый ирландец, какой-нибудь Патрик или Пэджи, он-то точно заживо изжарится на кострах врагов?». Вот отсюда у де Селби и берет начало сокрушительная критика обычая строить полноценные дома; здесь наш философ продолжает древнюю национальную традицию. Разве иностранцу, какому-нибудь Ле Фурньеру дано понять это?

iii

«ЗЛО». Проблема «зла» в рассуждениях насчет де Селби завуалирована, судя по всему – намеренно. И действительно, в «Третьем полицейском» описана ситуация «преступления и наказания», только не в морально-психологическом контексте и совсем не с христианской точки зрения, а с какой-то совсем иной, заставляющей вспомнить аналитическую философию и даже Людвиг Витгенштейна. Герой, совершивший убийство и одержимый жаждой денег, попадает в странные ситуации, каждая из которых представляет собой неразрешимую логическую загадку, чаще всего сводящую с ума своей параноидальной последовательностью. В

этом мире нет ни добра, ни зла – лишь логика рассуждения и простейшая метафизика, мастером которой, как мы видим, и был де Селби. Что это? Логический ад? Или царство Зла, куда мы, чуть что, ослабив оборону, мгновенно погружаемся? Вот совершенно непраздный вопрос, который задает себе любой чуткий читатель «Третьего полицейского». Однако не будем заранее раскрывать карты. Обратим внимание на это, казалось бы, вполне невинное выражение «неизбежное зло», промелькнувшее в рассуждении об отношении де Селби к домам. Если оставить в стороне банальное, вульгарное, профанное значение этого словосочетания, то мы оказываемся в мире самого настоящего гностика. Обычный человек, даже обычный христианин считает Зло злом (с маленькой буквы), какой-то мерзкой нечистью, вроде крыс или тараканов, которая заводится там, где ощущается нехватка Добра. Зло – возникает при нехватке Добра, и ничего больше; более того, стоит присыпать Добром почву, пораженную злом, и все будет хорошо – дуст Добра непременно выведет паразитов зла. *Зла можно избежать*. Гностик думает совсем по-иному. Для него зло есть Зло, и оно неизбежно, как дома в рассуждении де Селби. Зло столь же онтологично, как и Добро, оно в своем праве; более того, его стоит уважать так же безусловно, как и Добро. Последнего, кстати говоря, довольно мало в нашем мире, и его позиции следует защищать не покладая рук. Что, собственно говоря, де Селби и делает в случае с домами. Как предстоит обнаружить просвещенному

читателю, наш философ, прекрасно понимая всю злокозненность построек со стенами и крышей, все-таки не отказывается от *всего* с ними связанного; он безусловно уважает это самое *неизбежное зло* как один из двух главных столпов нашего мира, оттого и предлагает компромиссы один комичнее другого. Комизм рационализаторских затей де Селби кроется в природе человеческой глупости и недомыслия, а не в основаниях его суровой монолитной мысли. «Великий гностик» – вот как следовало бы его называть, даже, пожалуй, «Великий Гностик Метафизики»; любые, самые превосходные степени не могут описать всего восхищения и даже преклонения, которое испытывают истинные знатоки перед отважным философом.

iv

«ДЕГРАДАЦИЯ». Этот неожиданный поворот мысли ставит под вопрос все написанное и подуманное нами о де Селби. «Измельчание», а тем более «деградация» – понятия совсем не из арсенала ни истинного гностика, ни настоящего метафизика. Здесь мы сталкиваемся с мифологическим сознанием в самом чистом, незамутненном виде. Предполагается, что некогда человек имел счастье жить в Золотом веке, за которым последовал уже не столь блестящий, но все равно замечательный век Серебряный, за Серебряным наступил Бронзовый, который можно счесть даже вполне ничего, при-

личным, несмотря на серьезные пороки его и явное ухудшение общей обстановки. Из какого века де Селби рассуждает о современной ему деградации? Из «Железного»? «Свинцового»? «Деревянного»? Сложно сказать. Очевидно одно: либо философ намеренно вводит нас в заблуждение касательно собственных взглядов (а мы и рады клюнуть на сию приманку!), либо в его мировоззрении есть некий запасной вариант мироздания, который включается, когда два других по каким-то причинам теряют напряжение. Скажем, подкачал вариант «гностицизма», а в «метафизике» внезапно сдох источник питания. Вот тогда-то на поверхность и всплывает рассуждение о деградации рода человеческого, совершенно невозможное при работе остальных версий философии де Селби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.